

Се Ин покачал головой и с улыбкой произнес:

— Ну и болтун же ты. Крепкую водку отправлять не надо, он еще мал и вряд ли пьет такое. Возьми пару кувшинов настоящего вина с Южных морей, два отреза ярко-красного шелка, да сходи на кухню за южными деликатесами — окороком, солониной, вяленой курицей, копченым гусем и прочим...

Впрочем, Цуй Се прислал ему собственные рисунки и разрисованную бумагу. Если в ответ отправить лишь обыденные бытовые вещи, это не выразит должной признательности. Се Ин опустил взгляд на портрет и вдруг вспомнил, что белила на нем выглядели слишком резкими и поверхностными, им не хватало мягкого перламутрового блеска. Поэтому он добавил:

— Он художник, ему нужны хорошие краски. Пойди на рынок, найди слюду... Хотя нет, купи по несколько цзиней самых разных красок да приложи пять отрезов белого шелка.

Се Шань склонил голову, принимая приказ, и вскользя похвалил:

— Мастерство молодого господина Цуй действительно редкое. Увидел бы его император, глядишь, и назначил бы его замглавы в Палату Вэньсы!

Се Ин покачал головой:

— А много ли чести от должности придворного угодника? Он талантливый юноша, способный сдать кэцзюй, с чего бы ему становиться простым живописцем? Впредь не говори подобного перед посторонними, а эти картины и бумаги убери ко мне в кабинет и бережно сохрани.

Се Шань откликнулся, аккуратно убрал шкатулку и вышел готовить подарки.

После того как молодой господин Ван уехал в столицу, Цуй Се тоже велел приказчику Цзи запрячь повозку и съездить в столицу. Хотя у него не было ни малейшего желания отправлять подарки родителям из семьи Цуй, он обязан был порадовать заботившихся о нем дедушку и бабушку, чтобы старики знали, что он помнит о них.

К сожалению, в его лавке еще не успели напечатать каких-либо серьезных книг, а вырезать новые доски времени уже не оставалось. Поэтому он купил два искусно отпечатанных экземпляра «Алмазной сутры», на первых страницах которых в стиле комиксов изобразил Бодхисаттву Гуаньинь, взяв за основу образ в исполнении актрисы Цзо Дафэнь из телесериала «Путешествие на Запад». Затем он отдал книги на переплет, пожертвовал храму десять лянов на лампадное масло, попросил почтенного монаха вписать в свитки имена дедушки и бабушки и освятить их перед статуей Будды.

Уж эти два подарка, подготовленные от всего сердца, да вдобавок собиравшиеся с душой местные орехи — лещина, каштаны, грецкие орехи, — а также несколько корзин сочных груш, сохранившихся с начала осени, и дичь, купленная у охотников, составляли весьма солидный праздничный дар.

Цуй Юань уговаривал его приготовить кое-что отдельно для отца и госпожи Сюй — пусть даже мелочи вроде письменных приборов или безделушек, чтобы ни у кого не было повода для упреков.

Цуй Се поразмыслил о царящих нравах и решил уступить: он выбрал письменный набор «четыре сокровища кабинета» для Цуй Цюэ, а для госпожи Сюй — статуэтку из медно-никелевого сплава под вороненное серебро, после чего вычеркнул из их доли все съедобные

приношения.

Глядя на сиротливые четыре предмета, Цуй Юань не удержался от уговоров:

— Молодой господин, в таком виде дары везти неловко. Добавили бы хоть еще немного! В доме ведь знают, что вам досталась книжная лавка...

Цуй Се прервал его:

— Когда я жил дома, как у нас обменивались подарками на праздники?

Цуй Юань с удивлением посмотрел на него, но все же подробно объяснил:

— Да как обычно: дарили всякие мелочи, купленные на стороне. Дедушке, госпоже Сун, батюшке, госпоже Сюй, второму и третьему молодым господам да второй молодой барышне — каждому по подарку. Кузенам и кузинам из семьи Сюй тоже перепадало. Старшие, разумеется, дарили в ответ денежные конверты, а братья и сестры обменивались подарками с вами.

Цуй Се тихо усмехнулся:

— Вот видишь. В прошлые годы мне полагалось ежемесячное содержание и новогодние деньги, так что происходил взаимный обмен. А в этом году меня нет дома, и вся семья ведет себя так, будто меня вообще не существует. То, что я вспомнил о них, — уже дань приличию. Неужели я должен выжимать серебро из книжной лавки и отдавать им?

Лишь ради формальности он добавил стопу белой бумаги для младшего брата и завязал два ляна серебра для сестры, после чего передал все приказчику Цзи.

Приказчик Цзи даже не горел желанием ехать ради таких мелких подношений. К тому же во время недавней беды семья Цуй сильно обидела его, и ему не хотелось видеть холодные мины их слуг, поэтому на его лице выразилось замешательство.

Цуй Се попросил его закрыть дверь, поманил ближе и шепнул на ухо:

— Твоя поездка в столицу — не только ради того, чтобы передать подарки моим дедушке и бабушке. Главная задача — заехать в Тунчжоу. Там обо мне пеклись Фу Хао и советник Лю, да и в гостинице на западе города я прожил немало дней. Отвези им разрисованную бумагу и «Записки о собранных ароматах», отблаговари за былую заботу. Это поможет завязать связи, закрепиться в Тунчжоу и постепенно расширить наше дело до самой столицы.

Приказчик Цзи мгновенно просиял и, поднявшись, ответил:

— Это дело я сделаю в лучшем виде! Оправдаю ваше доверие, молодой господин!

Хотя к концу года их расписная бумага и книги продавались все лучше, Цуй Се заранее все спланировал: с самого начала последнего месяца года он откладывал по десять-двадцать комплектов в день. К настоящему моменту дома накопилось более двухсот наборов — вполне достаточно, чтобы одарить всех благодетелей в Тунчжоу.

Фу Хао был человеком чистым и гордым, поэтому мог и не принять подарков, однако советник Лю наверняка был не прочь поддержать знакомство. Именно с советником Лю Цуй Се и хотел завязать более тесные отношения: когда снова настанет год экзаменов, его можно будет пригласить в качестве главного редактора для сборника лучших экзаменационных работ.

Приказчик Цзи, нагруженный книгами, художественной бумагой и местными диковинками, воодушевленно съездил в столицу и вернулся лишь под самый Новый год. Уезжал он с полной повозкой подарков, и вернулся тоже с полной: юаньвай Янь из постоянного двора в Тунчжоу и советник Лю прислали множество местных гостинцев и передали, что готовы помочь наладить связи, чтобы книжная лавка «Чжижун» открыла филиал в Тунчжоу или отдавала товары на реализацию.

Фу Хао, как и ожидалось, подношений не принял и по своему обыкновению подарил ему назидательный парный напис: «Богатство и знатность не вечны — не забывай о бедности и скромности, о юноша; мудрости древних можно научиться — в чистом доме надлежит лишь читать каноны и поэзию».

Доставая этот подарок, приказчик Цзи выглядел слегка смущенным, но Цуй Се уже привык к суровому нраву чиновника и со вздохом произнес:

— Фу Хао — поистине непреклонный благородный муж. Повесьте этот парный напис в главной зале. Я буду смотреть на него каждый день, чтобы, заработав немного денег, не расслабляться и не забрасывать учебу.

Вспомнив, как он день и ночь сидит за книгами, почти не касаясь подушки, окружающие не знали, куда уж дальше проявлять усердие. Пэн Янь, ежедневно находившийся подле него, лучше всех знал, в каком труде проходит его жизнь, и с сочувствием произнес:

— Молодой господин, в такой большой праздник можно и отдохнуть день-другой. До уездных экзаменов ведь еще целых четыреста тридцать три дня!

...Ну что за ребенок! Разве так уговаривают отдохнуть? Услышав этот точный счет дней, всем вокруг захотелось немедленно отправить хозяина в кабинет за книги!

Примечание автора: «Богатство и знатность не вечны — не забывай о бедности и скромности, о юноша; мудрости древних можно научиться — в чистом доме надлежит лишь читать каноны и поэзию» — парные надписи, висевшие в поминальном зале Цзян Шицюаня в эпоху династии Цин. В оригинале сказано: «Богатство и знатность не вечны — о вы, юноши, не забывайте о бедности и скромности; мудрости древних можно научиться — в моем чистом доме надлежит лишь читать каноны и поэзию».

В дни праздника Юаньдань в Цяньани тоже выпал обильный снег. Молодой господин Ван, вернувшись после вручения подарков, зашел к нему в гости и, согреть руки о чашку с чаем, вздохнул:

— Погода в этом году ужасная: ехал в столицу — шел снег, возвращался в Цяньань — снова снег. Я едва не замерз насмерть по дороге! К счастью, подарки доставил успешно, и все благодаря тебе, брат Цуй.

Цуй Се шутливо спросил:

— О как! Неужто высокопоставленным господам пришлось по душе бумажная продукция нашей лавки?

Да разве просто «по душе»? Многие даже расспрашивали, правда ли в Цяньани появилась эдакая красавица Цуй! Впрочем, о подобных вещах не стоило говорить в лицо самому юноше, поэтому старший молодой господин Ван лишь усмехнулся, посмотрев на него, и сменил тему:

— Я навестил цяньху Се. Поистине приветливый человек! Даже меня — незваного гостя без связей и рекомендательного письма — принял со всем радушием и долго беседовал со мной о том о сем. Я-то понимаю, что у меня самого недостаточно веса для такого приема, так что наверняка обязан этим тебе, брат Цуй.

Цуй Се вежливо ответил:

— Это просто цяньху Се столь мягкого нрава, да и вы с ним пришли друг другу по душе. При чем же здесь мое имя? Брат Ван — человек честный и открытый, кто бы не захотел сойтись с таким?

Ван Сянчжэнь медленно покачал головой:

— Брат Цуй слишком недооценивает себя. Давай поспорим: не до Нового года, так после него он обязательно пришлет кого-нибудь с ответным подарком за тот твой сундучок. Поспорим?

Когда он уезжал из усадьбы семьи Се, в его повозку уже погрузили подарки, приготовленные хозяевами, но среди них не было ответа для Цуй Се. Почему? Ван Сянчжэнь вовсе не считал, будто цяньху Се из тех, кто пренебрегает скромными дарами. А в той фразе «Это я испросил для него императорскую похвалу» таился куда более глубокий смысл!

Он приподнял бровь и внимательно посмотрел на Цуй Се. Впрочем, Цуй Се не уловил скрытого подтекста и легко ответил:

— Что ж, идет! Если цяньху Се действительно пришлет ответный подарок, то лишь благодаря тому, что брат Ван отвез мое подношение. И что бы там ни было, я отдам тебе половину.

— Боюсь, когда придет время, брат Цуй поскупится, — загадочно улыбнулся старший молодой господин Ван и поднялся, собираясь уходить.

<http://bllate.org/book/18372/1761285>